

Шел пленум Союза кинематографистов. Иван Александрович Пырьев, создатель и первый секретарь правления СК, выступал с заключительным словом. Итожил, восторгался, гневался. Песни, к примеру, те, что звучали в фильмах и становились народными: «Идем, идем, веселые подружки...», «Ой, цветет калина...» — где они?

Доладчика разили мстительные зомбы: «Ты все пела — это дело. Так поди же попляши...» — остроумие, пусть злое, не может не вызвать смех. И сам Иван Александрович, открыв улыбку рот, что дало повод к аплодисментам. Все так. Но вот опять за свое: «Мы же великий народ, а не африканское племя, которое под там-тамы свет, пляшет и хоронит. Я не композитор, я режиссер...».

— Бывший! — раздался возглас.

Я оглянулся, вздрогнул. И грубо, и не в традиции наших советских собраний, тем более высоких. Еще меня сразило то, что человек, подавший реплику, ничем не походил на бузана, на строптивца. Совсем напротив! Этакая воплощенная рафинированная интеллигентность: одухотворенные черты лица, добрые, лучистые глаза, великолепно пошитый костюм. «Чего это он?..».

Зал замер. Оратор смолк. Президиум застыл.

— Хорошо, — произнес, наконец, Пырьев. — Пусть бывший. — Он изобразил виртуозную пантомиму, показав ныряльщика, вынырнувшего на поверхность и заглядывающего в пелло легких жидкий воздух. Зал инстинктивно шевельнул губами переводя дыхание. — Пусть бывший. Но поставивший девятнадцать художественных фильмов.

Нас всех тряхнуло, словно от подземного толчка. Мы застывали: «Кто крикнул?.. Позор!.. Пусть встанет!..».

— Поставивший девятнадцать фильмов, — продолжал непередаваемым плещущеторжествующим голосом режиссер, — которые шли на экранах десятки лет, песни из которых пели и поют...

Но пока не до песен. Зал жаждет крови: «Кто подал реплику?! Стыдно отмалчиваться!.. За дверь!».

И он — карбонарий — встал. Длинный, белый, приговоренный. Спичкой к трибуне, извнясь перед сидящими в ряду, «грубиян» направился к выходу. Дверь захлопнулась. Зал аплодировал сам себе. А оратор безмолвствовал... Невольно ему мало свершилось? Не могли же мы белую эту ворону камнями побить: не предусмотрели, не запасли...

Пырьев глотнул «минералки». Кадки сидящих в рядах снова синхронно дернулись. Он-таки в буквальном смысле держал зал за горло! И вдруг тихо, как отец о сыне, провинившемся, но любимом:

— Ушел Николай Николаевич... Ну зачем он так? Нас еще рано списывать в архив, есть еще порох в пороховницах.

Какая овация прогремела!.. И это оборонительное милотство такую ауру высветило над буйной головушкой кинокрючника Николая Николаевича Кладов (его статья я восхищался, а в лицо не знал), что он потом чуть не в героях благоденствовал в кулуарах.

Но каков «бывший»? Каковы актерство, дипломатия, режиссура, наконец! Восторг. Сплошной восторг.

1. «И КОГДА ВРАЖЬИ ТАНКИ ПОМЧАТСЯ, ЧТОБ У НАС НАШЕ СЧАСТЬЕ ОТНЯТЬ, ЗА ЛЮБОВЬ, ЗА СВОБОДУ ЗА БРАТСТВО МЫ С ТОБОЮ ПОЙДЕМ ВОЕВАТЬ...».

Что такое кино? Давайте отложим словари и энциклопедии. Послушаем Татьяну Кирилловну Окуневскую — актрису, писательницу. (Ее книга «Татьянин день», на мой взгляд, — и духовное, и литературное событие в русской культуре). Она рассказала о своей дружбе с артиллеристами, которая началась с концерта фронтовой бригады артистов и продолжалась в переписке с бойцами, в кадре с лицом актрисы из кинофильма «Ночь над Белградом», закрепленном на орудинном лафете. Так срывается кино. Так любовь к прекрасной женщине бывает — до смерти. До времени, потому что все из того расчета погнали: один за другим. Порвалась и переписка... Но враг, как выражались в те поры, не прошел.

И то же с телеэкрана повелел солдат-пехотинец о случае на фронтовой дороге. Лютая ночная пурга, усталость, валящаяся с ног, пустые желудки, собиравшие под железом хребты: нет больше сил, неоткуда взять. Кто-то, словно поверженный умом: «Славяне! Кто видел кино «Трактористы»? В ответ только голос выгнул: «Не ви-и...! Не ви-и...!».

А вот, видящий, забитый в пехоту, ходивший в атаку грудью на пулеметы, затянул: «БРОНЯ КРЕПКА И ТАНКИ НАШИ БЫ-

Олег Хомяков

ИВАН НЕИСТОВЫЙ

СТРЫ. И НАШИ ЛЮДИ МУЖЕСТВА ПОЛНЫ!..». Один год лосил, перекрывая ветер. А все же прилеп, боек песни, подхватили: «РАЗЯ ОГНЕМ, СВЕРКАЯ БЛЕСКОМ СТАЛИ, ПОЙДУТ МАШИНЫ В ЯРОСТНЫЙ ПОХОД...». Второй куплет уже подхватили рота — или те, что от нее остались: «ЗАВОДОВ ТРУД И ТРУД КОЛХОЗНЫХ ПАШЕН...». Потом пела уже вся осовавшая от снежной круговерти колонна. Хватило песни на километр. А еще топтать и топтать до деревни, до привала. И начали, выражаясь бытовое, по новой: «БРОНЯ КРЕПКА...». Дошли. «Песня додела. Рухнули бы на том волоке — не все б проснулись», — кончил рассказ солдат.

Мой институтский друг мне говорил: «Твоя любовь к Пырьеву напоминает анекдот. Рыбаку, который руками ловил, как бы он таскал рыбу, руки связали — чтоб не врал. Так он свое: «Поймал щуку — разводит ладони — вот с таким глазом». Солдаты могли спеть и «Каховку, родную винтовку». Благо винтовка у каждого, а танки свои видели многие лишь в кино...». «Начнем с того, — отвечаю, — что «Каховка» — это песня из фильма...».

«А кончим тем, — перебивает, — что ты инфант, вечный юноша. Тебе и на вид не дашь твоих лет, но, говорю по чести, пора отепениться. Чуть не седьмой десяток, скоро финиш. Ты же не уяснил, что Иван Александрович Пырьев был бесконечно далек от главного в искусстве — от правды».

Но что есть правда? По-моему, магическое слово в искусстве отнюдь не это. Впечатление — с большой буквы. Когда сердце волчком крутится. Если бы, не зная слов, не помня фильма, пали, замерзли все и лишь заплевал дошел до деревни, кинорежиссеру стоило бы дать медаль «За спасение солдат». Если дошла рота, он заслуживает ордена. Батальон — ордена кинематографической судьбы. И в ней все кино — со всеми взлетами и падениями.

Вот почему, когда я слышу что студии закрываются, я не рву на себе волосы. Я сокрушаюсь, но не иду на потолок крику. И вовсе не потому, что мне лично не нашлось в «своем» кино ни места, ни роли. (Актер-эпизодник, я снялся в трех фильмах, отмеченных в десятком наградах). Я спрашиваю себя: а что снималось на этих студиях? Что было общего у тех фильмов с «Ночью над Белградом», с «Трактористами»? На кого они произвели впечатление? И какой? Чье сердце закрутили волчком!..

Может, потому и закрылись? Может, и не жалко, что закрылись. Нет, стиги бес — не верю отчаянно! Верю Ивану Пырьеву: «Зачем он так, рынок убийца? Нас еще рано — в архив. Мы еще не колониальная Африка. У нас есть еще порох в пороховницах!..».

2. «А Я ВОТ, ПОЖАЛУЙ, ДВА МОСКВЕ ЗАБЛУЖУСЬ. ДВА ДНЯ Я ЗНАКОМИЛСЯ С НЕЮ. И ВСЕ ЖЕ НЕ МЕНЬШЕ ТЕБЯ Я ГОРЖУСЬ, МОСКВА НАЗЫВАЯ СВОЕЮ...».

Все знали, что И. А. Пырьев в кино, в мосфильмовском мире, с ранней трудовой юности. Кем начал, кем был? Тут не скажешь лучше: спросите, кем не был? К черту «ступени роста» — если будущее предопределено, как ныне нас уверяют ученые люди, вчера еще высмеивавшие фатализм, то чьяганка на заре века могла бы прочесть «налдон», парню из тайги: «Будешь помрежем, орденосцем, ассистентом режиссера, секретарем СК, ху-

дожником по костюмам, директором картины, директором студии, актером, наблюдателем комиссии по инициативе и предприимчивости, туристом, сценаристом, режиссером, бутылочником, мужем трех красавиц, фаворитом генсека, художником объединения, игроком в шахматы, грубияном, изгнанником из пределов столицы, любимцем нации и снова москвичом. Было отчего упасть в обморок.

Он не упал. Он знал, что умеет работать, как никто, и смотрел на великий город, как на масштабную декорацию, в которой, как нигде, можно развернуть сценическое действие. И снял на пленку. И соединил с песней. И создал оружие массового облучения сердец. Облучения всеобщим, бодростью, нежностью. Вот она — атомная бомба Джанни Родари, которая — из-за ошибки в расчетах — взорвалась гигантским сливочным тортом. Ешь — не хочешь!

«За все хорошее — смерть». Все хорошее отовсюду гонят. Будь ты Ромм, Рейман, Барнет, Пырьев, «Мосфильм» уже зывает на дверь — время от времени. Тут советская власть причем и ни при чем. И Сокиратос гнали. И не надо перед большевиками выслушивать, чтобы опрокинуть фундаментальный закон, выраженный в названии фильма, если чуть переименовать: «За все хорошее — война».

В самом деле — не Иван ли этим чиновником в агитпропе на Старой площади услужил первыми самостоятельными фильмами: «Конвейер смерти» (борьба немецкого пролетариата с надвигающимся фашизмом), «Партийный билет» (апофеоз членства в рядах)... Вон!

«Другой бы был, пропеда на Киевской студии: ведь даже мову не знает. Но не на то-го, напали. «ВЕСЕЛЕЕ ГУДИТЕ, РОДНЫЕ! НАМ В ПОХОД ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПОРА...». Это — о тракторах, о первых колхозах, о новом человеке. Директор студии, посмотрев комедию, пригласил режиссера в кабинет. Сними, «балканскими» губами прошептал: «То-варищ Сталин кто — враг? Хотите, чтоб нас обоих шлепнули без суда и следствия?» — «Не понимаю. Что за чушь?» — «Слова песни «НУ-КА, ВРАГ, ТЫ НАС ЛУЧШЕ НЕ ТРОГАЙ...» ложатся на портрет вождя!». Заперлись вдвоем в кинозале. Прозвучала песня, проплыл портрет. «Не ложатся!» — закрыл Пырьев. «Но ведь бли-из-кол!» — завопил директор.

«Но не ложатся!» — «Но бли-из-кол!». На экране две тени вцепились друг в друга. Киномеханик оторопел, включил свет... Пырьев уехал в Госкино — и просверлил в ладонке лунку первую дырочку. Орденоносец!

«Мосфильм» принял его в свой объятия — как родного. Он снял «Трактористов». То была поэзия и правда. Режиссер наотрез отказался вырезать правду (разрешение ГСМ из МТС под руководством Назара Думы — арт. Б. Андреев). Ее вырезали и без него: дурацкое дело нехитрое. Режиссеру теми же монтажными ножницами оставалось просверлить вторую дырочку — фильм снова имел все-народный успех.

«ХОРОШО НА МОСКОВСКОМ ПРОСТОРЕ, СВЕТАЯ ЗВЕЗДА КРЕМЛЯ В СИНЕВЕ...» Иван Александрович любил Москву, город его славы. Как любовно — под солнечным, под хмурым небом — его киноглаз обзоревал столицу, уплывала оно! И с ним — вся страна, весь народ. «Пришел, Увидел, Поблизил». И подарил свою любовь людям... Но рок

свирип. Едва досняли «Свинарку и пастуха», пришлось уехать в Алма-Ату.

«И МЫ С ДЕТСТВА НАВЕК ПОЛЮБИЛИ ЭТО ГОРДОЕ СЛОВО — МОСКВА!..». 1946 год. Сталин в списке на премии его имени не видит Пырьева. «Мы посчитали, что в художественном отношении «В 6 часов вечера после войны» хуже других лент этого режиссера, — поблдевав, пояснил министр кинематографии. — Все же фильм-скороспелка, снимался в экстраординарных условиях... Сталин сказал, дополнив список: «Пырьев не умеет делать плохих картин». А ведь был еще «Секретарь райкома». Сыгравший роль вечного колокола — забыть который, раз увидев в эпизодическом фильме, нельзя до могилы, если тебе отроют ее в русской земле.

«КОГДА УМЧАТ ТЕБЯ СОСТАВЫ В РАССВЕТНЫЙ ЧАС В ДАЛЕКИЙ КРАЙ, НЕ ЗАБЫВАЙ, НЕ ЗАБЫВАЙ РОДНОЙ ЗАСТАВЫ...». 1953 год. Май. В разговоре с новым министром, «завлажившим» кинематографию, Пырьев поделился мечтой об экранизации романов Ф. М. Достоевского. Грубый окрик: «Нашли авторы! Вы снимали о деревне, вот и поезжайте туда — снимайте!..».

Он любил, он воспел родную заставу — под кремлевскими звездами. Свет его

фильмов доходил до многих краев, ближних и заморских. Эти картины — золото, золотой фонд русской советской кинематографии. Но великому кинорежиссеру Москва не удостоилась поставить памятник. Считается, видно, что то было детство кинематографии. Как «Юность Максима». Придут новые люди. Они — заслужат. Им — воздадут... Не придут. И Максим, то бишь Иван не вернется. Ибо то был золотой век кино.

Но и тогда, дорогие москвичи, было много завных, но мало избранных. Вдумайтесь. Вспомните. Оцените — наконец!

3. «УХОДИЛ НА ВОЙНУ СИБИРЯК, С ЕНИСЕЕМ, С ТАЙГОЮ ПРОЩАЛСЯ...». Сердце — это вечное Куликово поле, на котором Бог и дьявол ведут битву за человека: сражаются в каждом из нас за каждого из нас. Такую мысль выносил, выстрадал Митя Карамазов. У исполнителя этой роли в фильме Иван Пырьев «Братья Карамазовы» Михаила Ульянова как-то спросили о психологической атмосфере в закулисной репетиционной зале. Жесток был ответ. Ибо мир тот — борьба. Зачастую это как в траншею противника прыгнуть со штыком в руке, схватиться врукопашную: мне врезался в память ульяновский образ!.

Никуда, видно, не уйти нам, грешным, от боя. Покой и не снится. Старец Зосима: за гробом свет и тьма также противостоят, нет мира. «Над схваткой» быть можно, даже должно, но — умозрительно. Практическая жизнь заставит вы-брать.

Парень из тайги Ваня-Пырей выбрал кино, траншею, рукопашную. С каким трудом до-нималась в условиях начавшейся войны «Свинарка и пастух» было не до комедий, сам режиссер пришел в кино — на призывной пункт. (Все же участник первой мировой, конный разведчик... а если совсем точно: мальчишко-доброволец, получивший за «языка» Георгиевский крест). Но умные люди рассудили, что фильм важнее. Который обойдет экраны тыла и фронта. Который станет едва ли не первой в те годы национально-русской картиной. Который люди всех возрастов будут смотреть десятки раз!.. А как приняла фильм траншея, за-кулиса? На режиссера обрушился попреки: «Любо! Деревенский балаган! Дешевка! А ля рус! Ни одна газета (!) не нашла для фильма ни одного хорошего слова. И только А. П. Довженко, увидевший тогда по фронту, носивший полковничьи «шпалы», прислал телеграмму: «Вы сделали воспитательную картину. Благодарю и поздравляю». Позже напишут и газеты, но — зарубежные, удивляясь, как режиссер ухитрился сделать невозможное возможным: «связать поэтику и романтику фильма со свиньями...».

Чуть не агиткой с песнями на стихи «посредственного» поэта В. Гусева посчитали фильм — защитник Отечества, фильм — мечту о встрече в 6 часов вечера после войны. И коршунами налетели на «Сказание о земле сибирской!» Не выдержав натиска братьев по цеху, режиссер, не выходя из зала, где шло обсуждение, прошел к двери, приоткрыл, курунул. С трибуны неслось: «Апология Руси-кавказкой!..».

Офицер Советской Армии — трактирный певец, бое-логардевец Лещенко с обратными знаками!.. А все эти бороды, самовары, кренделя: могли народ с такой культурой

распастись на рейхстаге!.. К Пырьеву припал пленом опоздавший на конференцию оператор: «Тебя вынесли или ты сам вышел?» — «Пуст пошумят, — обнажил «покойник» в улыбку неровные зубы. — Вчера фильм показали конгрессу славянских народов, успех полный. Мне звонил Молотов: поздравил». Оператор кивнул, прошел на цыпочках в зал, растворился в рядах. И надо же — там, в рядах, что-то изменилось! То ли сменился знак и ток метнулся в обратную сторону, то ли «коллективное бессознательное» обрело вмиг разум, то ли щедринский органик сбросил с точностью до наоборот: ораторы (новые и те, что по второму разу) запели инов. «Не будем, однако, с водой выплескивать ребенка, — долетало до уха режиссера, — фильм смотри-ся!». Еще Чернышевский говорил: «Прекрасное есть жизнь», но увидевшая художником, отобранная художником, то есть прекрасно то существо, «в котором мы видим жизнь такую, какова она должна быть по нашим понятиям» — по нашим советским понятиям, добавим мы сегодня! (Аплодисменты)... «Фильм радует, это главное... Актерский ансамбль превосходен... Музыка превлещает... Когда я говорил о «Руси-кавказкой, я не имел в виду ОРСОВскую чайную: в кадре мы видим сытых, приятных, трезвых людей — по-

фразу Достоевского: «Кожа закричала нечеловеческим голо-сом!». Оба хототали.

Снимали «Секретаря райкома». На мизерную эпизодическую роль удалось зазвать артиста МХАТ: уж больно фактурен, статен. Все, что требовалось — сказать командиру партизанского отряда: «Есть!», приложить руку к козырьку, повернуться и уйти. 1-й дубль, 2-й, 3-й... То слишком гаркнул, то циркнул ладонью по брови, то повернулся не так и шагнул не туда. Вспомнил еще и «пролетарскую» неприязнь 1-го Рабочего к Академическому МХАТУ: уж эта мне «белая гвардия», школа Станиславского, повышенные оклады. «Слушай! — напустился на актера Пырьев. — Ведь ты не Гамлет, ты красноармеец — партизан. Все, что от тебя нужно, отдай честь и уйди. Не по «системе», а по Уставу. Ты можешь это сыграть!» — «Разумеется, Иван Александрович. Последний дубль, и все будет в десятку». Но вышло (заклиннул, заколдовало) в белый свет, как в колодежку: сказал «Слушай!» — вместо «Есть!». Пауза бледная, как смерть. «Я на колени перед тобой встану, — в бешенстве пролетел Пырьев. — Скажи: «Есть!» и уйди из кадра». Но всемоу, кто снимался, знакомым мимас «крюлик перед удавом» — в просторечии: столбняк. Не получился: в 5-й дубль. «Ведь ты мхатовец!! — Пырьев упал актеру в

челу бы им не запеть! И они поют!..».

Иван Александрович, куда вы пропали! Проходите к президиуму. Сегодня на нашей «мосфильмовской» улице — праздник! (Долго не смолкающие, переходящие в черную зависть...).

В скромных автобиографических заметках «О себе и своем творчестве» И. А. Пырьев признается: «Да, я люблю искусство праздничное, взволнованное, аскромленное живыми соками жизни, не стелющееся по земле, а тянущееся вверх. Я никогда не отрицал и не отрицаю право других режиссеров и сценаристов показывать жизнь такой, как она есть, — это их дело. Каждому, как говорится, свое. Но зачем же к тому, что мы делали из самых чистых гражданских побуждений, приклеивать оскорбительные ярлыки и отнимать у нас право показывать жизнь такой, какой, по нашим понятиям и устремлениям, она должна быть». Он мог бы вспомнить и слова русского философа Н. Кареева: «В жизни человека не все природа, но есть и идеал».

Пырьев-художник неотделим от Пырьева-человека. Его герои зачастую люди бурной энергии, взрывного темперамента, kloкочущего чувства. Они не лезут в карман за словом, истово страдают, буйно грешат и самозабвенно каются. Гремучая смесь пырьевской натуры — это и мужицкий трудовая кровь, и убитый в пьной драке отец, и тяжелая рана в спину на фронте «15 мальчишеских лет», и солнечная корона питающих творчество страстей, и профессиональное актерство (начинал как актер 1-го Рабочего театра пролеткульта), и чертова мельница кинематографа, и сладкая оудор от запаха невидимой крови в той — траншейной, с гольими штыками — борьбе. Будь нервы и воловы, порвутся, скрутятся спаржею. И рвались... Снимали «Трактористов». Солнце садилось, наступал «режим», а парень за рычагами «сталинца» никак не мог остановить машину, чтобы не выехать из кадра. Пырьев вонзился в грунт лопату: «Разуй глаза!». Нет, подымал под стальные траки и лопату — хрустнула спичкой. Пырьев разразился воплем, который слышат в тайге, в Гималаях охотники за «снежным человеком». Пал на землю. Рвал и кусал траву... «Не падающая ли?» — замер директор картины. И потом, в поезде Киев — Москва, признался: «Я только тут понял

шаш его лента: лебединая песнь пырьевской музыкальной комедии».

5. «МЫ ЗА СЧАСТЬЕМ ПОЕДЕМ В ПОГОННО...».

1958 год. «Настасья Филипповна» — 1-я часть романа Ф. М. Достоевского «Идиот» на советском экране: в главных ролях Юрий Яковлев и Юлия Борисова, режиссер Иван Пырьев. Успех ленты особый, как чудо разблокированной памяти. Все ждуть — терпеливо, годами — продолжения. Его не будет. «А что делать?» — разводил руками на встречах со зрителями режиссер. — Один актер спился, другой умер...». Поименно не называет. В России много немых могил.

«Братья Карамазовы». Выступил последовательным (не забудем и «Белые ночи») экранизатором книг великого романиста, И. А. Пырьев обрел как бы новую жизненную задачу, новую любовь и судьбу. По везению слову К. Циолковского, ничего в нашем мире «не конечно, все только начинается». Если и кончается, то для одной жизни — приостановленной, для одной свечи — догоревшей «на одной эпохи». Пырьевская доплатила как раз в процессе съемок «Карамазовых»: 3-ю часть духовидческой эпопеи завершили, как известно, К. Лавров и М. Ульянов — в память об отлетевшей душе. Картину ждал, без преувеличения, триумфальный успех: один из закятных всполохов российской кинематографической славы.

В чем же тайна метаморфозы Ивана Пырьева, режиссера

и человека, который пришел в кино с «Партийным билетом» и ушел на «Свет далекой звезды» — под звон колоколов! Риску предположить, что никакой метаморфозы нет. Превек трех российских начал, Богоданных и благоприобретенных одновременно — державности, артельности, оерживимости — кинохудожник стоял на порогах выше прописей, декларированных партиялетом. Времена менялись — Пырьев не менялся. «Князь и в культуре князь». Не случился в стране революции, Георгиевский кавалер снял бы и «Пастуха и свинарку», и «Сказание о земле сибирской». Он снял бы «Испытание верности», потому что ехал куда-нибудь за счастьем, вопреки плуту сердца построить его тут, под носом, — один из национальных священных недугов. Он обратился бы к Достоевскому, прочитав темного Маркса и «светлого» Ленина, потому что тайная стихия русского характера есть покаяние. А не покаяться — не соргешис.

Слушая бой часов у себя в доме, нам надо с каждым ударом вспомнить, что есть время комнатное, земное и есть звездное, космическое. «Домашнее» мчится, летит — небесное плывет, словно бы возлелея в вечности. Как возлелея в истории мирадами событий судьба народа. И не секундная стрелка, не 72 удара ее создали страну, в которой мы живем, не ей, а правильнее, не только ей отбывает наше будущее. Есть еще минутная стрелка, часовая... Потому и песни из фильмов Ивана Пырьева, русского кинорежиссера, упокоенного в московской земле, лишь кажутся однодневками. В них живет, бьется, пророчит бессмертное Время, дарованное нам Богом. Вслушайтесь:

Но я знаю, мы встретимся скоро, И тогда, дорогая, вдвоем На московских широких просторах Мы опять эту песню споем. И в какой стороне я ни буду, По какой ни пройду я тропе, — Друга я никогда не забуду, Если с ним подружился в Москве... Фото В. Масленикова.

● Иван Александрович Пырьев. 1951 г. Фото В. Уварова.

● На съемках фильма «Кубанские казаки». 1949 г. Фото В. Масленикова.

● Иван Александрович Пырьев. 1951 г. Фото В. Уварова.

● На съемках фильма «Кубанские казаки». 1949 г. Фото В. Масленикова.

● Иван Александрович Пырьев. 1951 г. Фото В. Уварова.